

ДМИТРИЙ ШУЛЬГА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дмитрий Шульга

Возвращение

«Автор»

2026

Шульга Д.

Возвращение / Д. Шульга — «Автор», 2026

Двести лет назад человечество закрыло проект GG18. Архивы исчезли, документы были засекречены, а сама планета стала запретной точкой на картах космоса. Однажды ночью на высокогорную станцию наблюдения приходит сообщение, которого не может быть: «Я скучаю». Два слова из мира, где давно не должно было остаться никого живого. Молодой астроном Дэвид Рейн становится первым, кто увидел невозможный сигнал. Чтобы понять, кто — или что — ждало ответа почти два столетия, он отправляется к планете, о которой человечество предпочло забыть. Там ему предстоит узнать, что скрывает первая экспедиция, почему правда о GG18 была уничтожена и что на самом деле означает контакт с иной формой жизни. «Возвращение» — атмосферный научно-фантастический роман о памяти, вине, надежде и встрече с неизвестным, которое уже начало понимать человека. Что оно несёт - угрозу или надежду?

© Шульга Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	13
Глава 2	24
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дмитрий Шульга Возвращение

Дмитрий Шульга

Возвращение

© Дмитрий Шульга, 2026

ПРОЛОГ

Далёкое будущее. Гималаи. Международная станция наблюдения за дальним космосом. Ночью произошло невозможное.

Позже Дэвид найдёт точную метку времени — 03:17:45.381 — и эта дробная, почти издательски аккуратная запись навсегда останется в его памяти как момент, в который мир ещё держался на привычных законах, но уже начал расходиться по невидимому шву.

Тогда он этого не понял.

Он просто сидел перед экраном четвёртого поста, в ночной смене, среди ровного гула станции, остывшего кофе, сухого воздуха и безжизненного света служебных панелей. За стеклом аппаратного зала стояла горная темнота; где-то далеко под станцией лежали ущелья, снег, камень и спящий мир, но здесь, внутри, всё было сведено к цифрам, индексам, координатам, дрожащим строкам дальнего приёма и холодной дисциплине машин, которые не знают ни сна, ни ожидания.

Поток данных шёл ровно.

Слишком ровно для человеческого глаза, чтобы в нём оставалось место чуду.

Дэвид смотрел почти не читая, как смотрят на давно знакомый прибор: зрение само отмечает ритм, пропуски, служебные коды, редкие отклонения, а сознание в это время уходит куда-то в сторону, к усталости, к никотиновому привкусу во рту, к лёгкому давлению в висках от высоты и бессонницы.

И вдруг привычная ткань данных дала складку.

Сначала это не стало мыслью. Даже тревогой не стало. Скорее где-то внутри тела возникло маленькое, неприятное сопротивление, как бывает, когда в знакомой комнате передвинули предмет, и человек ещё не понял какой, но кожа уже знает: что-то нарушено.

Дэвид моргнул.

Строка не исчезла.

Он наклонился ближе, оперевшись пальцами в край стола, и несколько секунд не мог заставить себя прочитать то, что уже видел. Глаза цеплялись за буквы, но разум отказывался собрать их в смысл, потому что смысл был слишком простым, слишком человеческим, почти домашним — таким, какого не могло быть в этом окне, где всё живое давно было переведено в коды и где от дальнего космоса оставались только числа.

На экране стояло:

я скучаю

Дэвид застыл.

Он не поверил не потому, что это было невозможно. Невозможное, если оно достаточно велико, иногда даже удобно: его можно отложить, назвать ошибкой маршрутизации, поздней помехой, отражением старого сигнала, сбоем архивного контура, чем угодно, пока оно остаётся сложным и далёким.

Но эти два слова были несложными.

В них не было защиты.

Они стояли на экране так тихо, так обнажённо, будто кто-то не взломал систему, не передал сигнал, не нарушил протокол, а просто положил ладонь из темноты на стекло и ждал, когда его заметят.

Дэвид прочитал ещё раз.

Потом ещё.

Буквы не дрогнули, не распались на артефакты, не ушли в помеху. Они продолжали существовать с той неприличной устойчивостью, с какой иногда существует ошибка, если она на самом деле вовсе не ошибка.

Он резко выпрямился, и стул под ним отъехал назад, ударившись о стойку. Локоть задел кружку; холодный кофе выплеснулся на стол, потянулся тёмной лужей к клавиатуре, и Дэвид машинально размазал его ладонью, не глядя, сбросил на пол стилус, услышал сухой пластиковый стук, но уже не связал этот звук ни с собой, ни с комнатой.

Воздух в аппаратном зале вдруг стал вязким.

Он провёл ладонью по лицу, слишком сильно, почти до боли, словно мог сдвинуть собственное зрение, вернуть его в норму. На секунду зажмурился, и темнота под веками оказалась неожиданно простой, человеческой, спасительной. В ней не было строки. Не было слов. Не было того, кто мог скучать оттуда, откуда никто не должен был обращаться к людям.

Когда он открыл глаза, сообщение всё ещё было там.

Пальцы сами нашли клавиши.

Журнал. Последние строки. Возврат. Диагностика. Служебный слой. Архивная трасса. Снова журнал.

Он работал быстро, почти грубо, с той злой торопливостью, в которой человек пытается не столько найти ответ, сколько заставить реальность уступить. Один раз он промахнулся по клавише, ударил сильнее, чем нужно, вернулся, открыл соседнее окно, потом ещё одно. На экране сменялись таблицы, метки, контрольные цепочки, сухие служебные обозначения, и всё, что должно было успокаивать, только делало происходящее тяжелее.

Ни внешнего входа.

Ни сбоя синхронизации.

Ни подмены канала.

Ни чужой служебной метки.

Ничего.

Система была чиста.

Это слово — чиста — вдруг показалось ему хуже любого обнаруженного взлома.

Дэвид почувствовал, что дыхание стало мелким. Он вдохнул глубже, но воздух вошёл плохо, будто грудная клетка на высоте станции вспомнила, где находится, и решила больше не притворяться земной. Сердце билось слишком высоко, почти в горле; под кожей на пальцах появилась лёгкая дрожь, та самая мелкая дрожь, которую ещё можно выдать за холод, если рядом есть кто-то, кому хочется соврать.

Он поднялся.

Стул снова качнулся позади него, но теперь Дэвид даже не обернулся. Несколько секунд он стоял перед экраном, чувствуя, как вся станция — стены, стойки, кабели, воздух, горы за стеклом — как будто отступает от этих двух слов, оставляя его с ними одного.

Потом он подался к панели, вызвал служебное меню и сделал снимок экрана.

Пальцы слушались плохо. Сенсор не принял первое касание. Дэвид выругался сквозь зубы и нажал снова, уже медленнее, заставляя руку подчиниться.

Изображение ушло в буфер.

Он открыл очередь вывода и отправил файл на локальный принтер. Маленький модуль у стены ожил не сразу: внутри что-то щёлкнуло, потом коротко зажужжало, будто механизм, всю жизнь печатавший отчёты, схемы и скучные подтверждения смены, теперь сопротивлялся необходимости выводить на бумагу то, чему бумаги тоже не полагалось касаться.

Лист втянуло.

Дэвид стоял неподвижно.

Белый край появился медленно, почти торжественно. Потом ниже проступила строка, тонкая, чёрная, беспомощно живая на стерильной поверхности.

я скучаю

Он выхватил лист слишком быстро и едва не смял угол. Разгладил ладонью, с какой-то нелепой осторожностью, будто текст мог обидеться, исчезнуть, передумать.

Но слова не изменились.

Тогда он достал флэш-носитель и сохранил копию туда тоже — уже не размышляя, а подчиняясь старому человеческому инстинкту: если произошло чудо, его надо спрятать в карман, пока оно не исчезло, пока система не передумала, пока кто-то более взрослый, более разумный, более трусливый не скажет, что ничего не было.

Полоса копирования тянулась мучительно медленно.

— Давай, — прошептал он.

Голос оказался чужим: сухим, сорванным, слишком низким.

Когда копирование завершилось, Дэвид сунул носитель в карман, ещё раз посмотрел на распечатку и повернулся к выходу. Дверь он толкнул плечом сильнее, чем требовалось, словно аппаратный зал уже начал давить ему в спину.

В коридоре было темнее.

И тише.

Тот же ровный гул станции, который всю ночь служил фоном и потому почти не существовал, теперь проступил отчётливо, как внутренний шум большого организма. Где-то за панелями работали насосы, воздуховоды, охлаждение; станция дышала своей железной грудью, не зная, что в её памяти только что появилось слово, для которого не было протокола.

Дэвид остановился у раковины.

Вода пошла сразу, тонкой холодной струёй. Он плеснул себе в лицо, потом ещё раз, уже сильнее. Холод ударил по коже, вернул лоб, щёки, губы, веки, вернул тело, которое несколько минут назад словно отступило куда-то, оставив у экрана только зрение и страх.

Он поднял голову.

Из зеркала на него смотрел человек с мокрым лицом, расширенными зрачками и странно неподвижным ртом. Дэвид узнал себя не сразу. Не потому, что изменился внешне, а потому, что в отражении уже был тот, кто видел это сообщение, а прежний, который ещё мог прожить ночь обычной сменой, остался по другую сторону минуты 03:17:45.381.

Он отвернулся.

Сигарета нашлась не сразу. Пачка зацепилась за внутренний карман, одна сигарета сломалась у фильтра, вторая наконец легла между губами. Зажигалка щёлкнула вхолостую. Потом ещё раз. Огонь вспыхнул маленьким оранжевым зверьком; Дэвид прикрыл его ладонью и затаился слишком резко, так что дым обжёг горло, и он закашлялся, согнувшись над раковиной.

Горечь дыма оказалась почти приятной.

Она была земной.

Понятной.

Стеклянный переход встретил его холодом.

Пол под ногами был матовый, надёжный, привычно шероховатый, но стены и потолок были прозрачными, и ночь стояла вокруг со всех сторон. На этой высоте темнота не лежала за окном — она прижималась к станции, обнимала её снаружи, просачивалась в углы, висела под ногами, уходила вниз без меры и дна.

Станцию построили здесь не ради красоты и не ради символа. Просто выше почти некуда было поднимать человеческие приборы, если люди всё ещё хотели слушать дальний космос с Земли. Но ночью, когда ветер полз по металлическим фермам, а мир внизу исчезал в чёрной глубине, это место и правда казалось крышей мира, поставленной слишком близко к тому, что человеку не следовало слышать без подготовки.

Дэвид пошёл быстрее обычного.

Он не смотрел вниз, но высота всё равно входила в тело: в икры, в позвоночник, в ладони, державшие распечатку. По сторонам поднимались вершины — тёмные, почти слитые с небом, но их снежные изломы иногда выхватывали звёздный свет и на миг становились похожими на края огромных костей.

Над ними висели звёзды.

Не красивые.

Не романтические.

В эту ночь они были слишком ясными, слишком многочисленными, слишком внимательными, будто небо перестало быть пустотой и превратилось в поверхность, с которой кто-то смотрит в ответ.

В голове снова возникли слова.

я скучаю

В аппаратном зале они были нарушением.

На бумаге — доказательством.

Здесь, в стеклянном переходе, среди ледяной высоты и неподвижных гор, они становились голосом из такого расстояния, где сама возможность голоса казалась оскорблением всему, что люди привыкли считать мёртвым.

Дэвид ускорился.

К жилому блоку он почти бежал.

У двери Кристофа он постучал слишком сильно. Звук прошёл по коридору резким металлическим откликом и сразу показался неприлично громким. Дэвид хотел постучать ещё раз, но сдержался; только сжал распечатку, чувствуя, как влажные после воды пальцы портят край листа.

Замок щёлкнул.

Кристоф открыл не сразу полностью, сначала только на ширину плеча: в накинутом халате, с седыми волосами, примятыми с одной стороны, и с тем выражением лица, которое бывает у человека, поднятого среди ночи, но уже понимающего по чужому дыханию, что это не ошибка, не дежурная тревога и не глупая человеческая слабость.

— Что...

Дэвид не дал ему договорить.

Он просто протянул лист.

Кристоф не взял его сразу. Сначала посмотрел на Дэвида — долго, внимательно, с той неприятной профессиональной точностью, от которой невозможно спрятать ни дрожащие пальцы, ни расширенные зрачки, ни слишком быстрый вдох. Потом перевёл взгляд на бумагу и взял распечатку осторожно, двумя пальцами, будто это мог быть не лист, а тонкая пластина неизвестного вещества.

Он прочитал.

Один раз.

Потом второй.

Лицо его почти не изменилось, но Дэвид увидел, как под кожей у виска коротко дёрнулась жилка.

— Откуда?

— Четвёртый пост, — сказал Дэвид и сам услышал, как сел голос. Он прочистил горло. — Первичный приём. Я проверил журналы. Следов входа нет. Подмены нет. Синхронизация чистая.

Кристоф ещё секунду смотрел на слова.

Потом вернул лист.

— Пойдём.

Они быстро прошли обратно по переходу. Теперь впереди шёл Кристоф, и его халат казался в этой стеклянной, ледяной высоте нелепым и страшным: человеческая домашняя ткань среди чёрных вершин, звёзд и сигнала, пришедшего из места, где давно не должно было оставаться никого, кому можно скучать.

Дэвид почти не смотрел по сторонам. Он видел только спину Кристофа, отражения в стекле, собственное лицо рядом с ним — бледное, мокрое у висков, чужое — и далёкие огни аппаратного блока, к которым они возвращались, как к месту преступления.

Когда они вошли в зал, свет показался слишком ярким.

Всё было на месте: экраны, стойки, сухой запах нагретой электроники, пятно кофе у клавиатуры, упавший стилус под столом. Ничто не изменилось, и именно это спокойствие аппаратного зала было самым тяжёлым. Мир не рухнул. Сигнализация не выла. Люди не бежали по коридорам. Станция продолжала работать, как будто ничего особенного не произошло.

А на мониторе, точно там, где Дэвид оставил строку, стояло:

я скучаю

Кристоф ничего не сказал.

Он подошёл к терминалу, ногой отодвинул соседнее кресло и сел. Дэвид остался стоять у него за плечом, так близко, что видел седые пряди у затылка, тонкую кожу на шее, слабую пульсацию у виска. Вблизи Кристоф казался старше, чем обычно, но одновременно собраннее, будто возраст ушёл внутрь и стал не слабостью, а глубиной памяти.

Сначала Кристоф посмотрел не на строку, а на экран целиком: на верхнюю панель, на служебные метки, на время, на индекс источника. Только после этого его взгляд вернулся к словам.

Дэвид ждал, что он заговорит.

Кристоф молчал.

Его пальцы легли на клавиатуру спокойно. Не медленно, не осторожно — именно спокойно, без той спешки, в которой до этого метался сам Дэвид. Он открыл журнал, пролистал назад, вывел диагностику, затем старый служебный слой, потом окно, которым на станции почти никто уже не пользовался. Перед глазами Дэвида пошли таблицы, архивные коды, маршруты резервных контуров, старые обозначения, похожие на язык людей, давно умерших в этой же профессии.

Кристоф работал молча.

И чем дольше он молчал, тем тяжелее становился воздух за спиной Дэвида.

В какой-то момент Кристоф замер. Руки остались на клавишах, но пальцы больше не двигались. Он не откинулся, не выругался, не потребовал повторной проверки, только чуть подался ближе к экрану, словно увидел там не строку, а щель, за которой открывалось что-то слишком давнее.

— Этого не может быть, — сказал он тихо.

Дэвид почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Что?

Кристоф не ответил. Он закрыл одно окно, вывел другое и ушёл глубже — в такие слои системы, куда Дэвид этой ночью даже не подумал заглянуть. Старые сервисные таблицы. Архивные маршруты. Резервные контуры, оставленные в структуре станции скорее из-за забывчивости поколений, чем по необходимости.

Он проверил ещё раз.

Потом ещё.

Открыл трассу сигнала в одном окне, сверил её с меткой времени в другом, вернулся к индексу источника, поднял старую справочную сетку, сопоставил архивное обозначение с действующим протоколом. Иногда его губы едва заметно двигались, но слов не было; он словно считал про себя не цифры, а годы.

Дэвид смотрел поверх его плеча и постепенно переставал понимать, что видит. Монитор казался уже не экраном, а узким, освещённым входом в толщу времени, где под слоями обновлений, замен, чисток и забытых протоколов лежало что-то, чему не позволили умереть до конца.

Потом Кристоф откинулся назад.

Руки он убрал с клавиатуры не сразу, словно отпускал не пластик клавиш, а край найденной пропасти.

— Да, — сказал он медленнее. — Этого не может быть. Но это факт.

Он поднял глаза на Дэвида.

За эти несколько минут лицо Кристофа изменилось. Оно не стало испуганным; страх был бы проще и моложе. В нём появилось выражение человека, который узнаёт невозможное не впервые, но надеялся умереть раньше, чем оно снова назовёт себя вслух.

— Это GG-18.

Дэвид молчал секунду, пытаясь понять, должен ли он знать это обозначение.

— Что такое GG-18?

Кристоф перевёл взгляд обратно на экран, будто хотел убедиться, что строка всё ещё там и что теперь уже нет смысла отступать.

— Планета, — сказал он. — И станция на ней. Международная исследовательская зона. Почти двести лет назад её закрыли.

В аппаратном зале стало так тихо, что где-то в одном из блоков едва слышно изменил тон вентилятор.

— Закрыли? — переспросил Дэвид.

— Полностью. Люди ушли. Контурные обрезали. Каналы погасили. Осталась только дальняя пассивная метка, чтобы когда-нибудь можно было подтвердить, что объект ещё существует.

Кристоф посмотрел на строку, и Дэвиду показалось, что старик вдруг стал осторожнее даже в дыхании.

— Но оттуда не должно приходить ничего. Ни сигнала. Ни отклика. Ни слова.

Дэвид снова посмотрел на экран.

я скучаю

Теперь от этих двух слов веяло уже не странностью и даже не угрозой. Угроза всё-таки предполагает намерение, направление, силу. Здесь было другое: тонкий человеческий звук из места, которому люди давно отказали в голосе, памяти и праве обращаться к ним.

Дэвид почувствовал холод в спине, хотя в зале было тепло. Он поймал себя на том, что снова тянется к клавиатуре, и сам не понял зачем: проверить, ответить, стереть, коснуться — любое действие казалось лучше неподвижности.

— Ничего не трогай, — сказал Кристоф.

Дэвид кивнул, убирая руку.

Кристоф наклонился к экрану, ещё раз взглянул на индекс источника и едва заметно покачал головой. Это было не отрицание; скорее человек, который много лет прожил рядом с закрытой дверью, вдруг услышал из-за неё дыхание и понял, что дверь никогда не была пустой.

— Двести лет, — произнёс он почти беззвучно. — После двухсот лет молчания появляется это.

Дэвид ничего не ответил.

Кристоф поднялся. Кресло отъехало назад, мягко качнулось и остановилось. Несколько секунд он стоял, упершись ладонями в край стола, и смотрел не на экран, а куда-то мимо, в ту внутреннюю область, где память сопротивляется знанию, потому что знание уже поздно отменять.

Потом он повернулся к двери.

— Пойдём.

— Куда?

Кристоф не ответил.

Он уже шёл к выходу, и Дэвид двинулся следом почти автоматически, держа в руке распечатку. Они прошли по коридору, свернули к узкой боковой лестнице, ведущей выше, туда, куда ночью почти никто не поднимался. Здесь воздух был холоднее, суше, и пахло металлом, камнем, старой краской и тем едва заметным терпким запахом, который приходит в горах задолго до рассвета, когда ночь ещё глубока, но мир уже начинает менять температуру.

Дверь на смотровую площадку Кристоф открыл плечом.

Ночь ударила в лицо сразу.

После сухого воздуха станции она казалась почти живой: жёсткой, ледяной, огромной. Ветер шёл вдоль ограждения, трогал одежду, забирался под воротник, выхватывал тепло из рукавов и дыхание изо рта. Под ногами темнел настил, влажный от осевшего инея. За тонкой линией перил начиналась пустота.

Станция стояла слишком высоко для обычной человеческой жизни. Днём отсюда были видны снежные гребни, провалы ущелий, дальние хребты, уходившие один за другим в голубую дымку, но сейчас мир был чёрным и почти беспредметным. Только вершины угадывались по острым изломам на фоне неба, и над ними висели звёзды — густые, ясные, холодные, такие многочисленные, что небо переставало казаться пустым и становилось чем-то заполненным до предела.

Кристоф подошёл к самому краю площадки и остановился.

Дэвид встал рядом. Он всё ещё не понимал, зачем они вышли сюда, но после аппаратного зала это пространство, ледяное и огромное, казалось честнее. Внутри станции невозможное отражалось от стен и экранов; здесь оно хотя бы имело подходящий размер.

Внизу не было видно ничего, кроме темноты. В этой темноте можно было вообразить любое расстояние, любую глубину, любую смерть и любую планету.

Кристоф сунул руки в карманы халата, ссутулился от ветра и долго молчал.

Потом спросил:

— У тебя ещё есть виски?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Дэвид повернул к нему голову не сразу.

— Есть.

Он вытащил металлическую фляжку и протянул ему.

— Немного.

Кристоф кивнул, взял фляжку, сделал глоток и поморщился. Ветер шуршал по металлу ограждения. Где-то ниже, под ними, едва слышно гудела станция. От дыхания шёл пар, сразу уносимый в темноту. Дэвид чувствовал, как холод постепенно пробирается сквозь одежду, но не двигался.

Кристоф смотрел перед собой — не на горы, не на звёзды, а туда, где для него, видимо, уже давно существовала другая темнота.

— Я расскажу тебе о GG-18, — сказал он наконец.

И только теперь Дэвид понял: Кристоф вывел его сюда не потому, что наверху было безопаснее.

А потому что некоторые вещи нельзя говорить под потолком.

Глава 1

Кристоф не сразу заговорил.

Он стоял у самого края смотровой площадки, ссутулившись от ветра, в своём нелепом халате, который был хорош разве что для тёплого коридора жилого блока, но совершенно не годился ни для этой высоты, ни для ледяной ночи, ни для тех двух слов, которые только что пришли из места, где давно не должно было оставаться ничего, кроме закрытых контуров, мёртвых приборов и старой человеческой вины.

Сам Кристоф, казалось, не замечал холода.

Или замечал, но относил его к числу тех неудобств, которые можно не принимать в расчёт, если рядом наконец произнесено то, о чём слишком долго молчали.

Ветер шёл вдоль ограждения, прижимал ткань халата к его худой спине, забирался под воротник Дэвиду, выхватывал изо рта пар и тут же уносил его в темноту. Под станцией лежала чёрная глубина, густая и бесформенная; над станцией стояли звёзды, такие ясные, что смотреть на них было почти физически неприятно, словно глаз получал больше света, чем должен был выдерживать человеческий разум.

Дэвид ждал.

Фляжка уже вернулась к нему, но он не убирал её в карман. Металл быстро остывал в пальцах, и это было странно утешительно: у мира ещё оставались обычные свойства. Железо холодило на морозе. Ветер сушил губы. Сердце, если его напугать достаточно сильно, начинало биться не в груди, а где-то выше, у самого горла.

— GG-18 была не просто планетой, — сказал Кристоф.

Дэвид повернул к нему голову.

Кристоф помолчал, и в этом молчании не было поиска слов. Скорее он знал их слишком много и теперь выбирал те, которые причинят наименьший вред правде.

— Они называли её объектом, — продолжил он. — Средой. Феноменом. Планетарной реактивной системой. В старых отчётах таких слов было достаточно, чтобы спрятать за ними страх, любопытство и желание нажать посильнее, если ответ не появляется сразу.

Он усмехнулся, но без веселья.

— Удобные слова вообще появляются первыми, когда люди боятся назвать вещь правильно.

— И как её надо было назвать?

Кристоф посмотрел вниз, в чёрную глубину под станцией.

— Живой.

Дэвид ничего не ответил.

Слово прозвучало негромко, почти буднично, но в этой высоте, среди ледяного ветра, чёрных гор и звёзд, оно вдруг стало слишком большим для человеческого рта. Дэвид почувствовал, как всё внутри него пытается сразу найти привычную форму: биология, экосистема, разум, полевая аномалия, саморегулирующаяся среда. Мозг, верный старым правилам, спешил подставить под неизвестное хоть какую-нибудь таблицу, чтобы оно перестало быть безразмерным.

Кристоф будто понял это по его молчанию.

— Живой — насколько это слово вообще применимо за пределами земной привычки, — сказал он. — Назвать её организмом было бы слишком узко. Назвать разумом — слишком самоуверенно. Назвать природным процессом — слишком удобно. Там было что-то, что реагировало, удерживало память воздействия, меняло форму ответа и, возможно, пыталось понять нас ровно настолько же неудачно, насколько мы пытались понять его.

Он замолчал.

Ветер качнул край его халата, и на секунду Дэвиду показалось, что старик сейчас исчезнет в темноте вместе со своими словами, словно всё это относится не к реальному архиву, не к реальной планете, а к дурному сну на высоте, где кислорода в крови чуть меньше, чем нужно для спокойствия.

— Даже GG-18, — сказал Кристоф после паузы, — не настоящее имя. Поздняя служебная метка. Удобный номер, которым заменяют то, что не хотят помнить. В старых слоях архива было другое обозначение. Может быть, название. Может быть, имя, которое люди дали ей до того, как испугались собственного открытия. Потом его вычистили так тщательно, что восстановить уже не удалось.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросил Дэвид.

Кристоф долго смотрел в темноту, будто там, под станцией, в глубине ущелий, можно было увидеть не снег и камень, а старые архивные слои, забытые терминалы, чьи-то подписи под протоколами, лица людей, которые давно умерли, оставив после себя только закрытые папки и пассивную метку на краю дальнего наблюдения.

— Когда-то, — сказал он, — я был намного моложе. И гораздо глупее.

— Сейчас трудно представить.

Кристоф едва заметно усмехнулся.

— Напрасно. Я был молод, горяч, любопытен и считал, что если система что-то прячет, значит, в этом обязательно есть смысл, а если смысл есть, я имею право его найти. Однажды я наткнулся на старые материалы по GG-18. Очень старые. Плохо размеченные, с обрывками перекрёстных ссылок, без нормального допуска, без живых ответственных лиц. Будто их не сохранили, а просто не заметили при уничтожении.

Дэвид молчал.

Теперь холод стал глубже. Он уже не просто проходил через одежду; он как будто садился внутри, рядом с той частью тела, которая помнила строку на экране.

— Потом я пытался найти что-то свежее, — продолжил Кристоф. — Итоговые отчёты. Заключение комиссии. Медицинские протоколы. Решения о закрытии зоны. Любые следы того, чем всё закончилось. Но там уже была пустота. Очень аккуратная пустота, с ровными краями и правильными служебными формулировками. Такая пустота редко бывает случайной.

Он провёл ладонью по лицу, и Дэвид впервые за эту ночь заметил, насколько Кристоф устал.

— А потом я задал один глупый вопрос.

— Какой?

— Точной формулировки не помню. Что-то вроде: если зона закрыта полностью, почему её пассивная метка всё ещё числится в дальнем контуре наблюдения.

— И что?

Кристоф посмотрел на него.

— После этого исчезли даже те архивы, которые я нашёл.

Дэвид медленно выдохнул. Дыхание сразу стало белым и ушло в сторону, подхваченное ветром.

— Но ты успел прочитать?

— Кое-что. Достаточно, чтобы потом всю жизнь жалеть, что прочитал не больше.

Они снова замолчали.

Внизу ничего не было видно, но оттуда поднималось ощущение огромной массы земли: горы, лёд, камень, хребты, старые разломы. Всё это лежало под ними миллионы лет, равнодушное к человеческим станциям, сообщениям, комиссиям и страхам. На секунду Дэвиду показалось почти смешным, что люди вообще имеют привычку считать себя мерой происходящего. Они строят станции на вершинах, бросают приборы к чужим планетам, записывают свои дей-

ствия в протоколы, а потом удивляются, когда что-то отвечает им словами, которые не помещаются в протокол.

На запястье Дэвида ожил служебный браслет.

Короткий импульс.

Потом второй.

Затем в холодном воздухе прозвучал сухой голос дежурного оператора:

— Профессор Штайнер. Доктор Рейн. Срочно вернуться в основной блок. Через двадцать минут посадка административного борта. Президент Агентства и комиссия уже на снижении.

Несколько секунд они оба молчали.

Кристоф тихо усмехнулся.

— Разумеется.

— Что?

— Когда наконец появляется шанс сказать правду, — сказал Кристоф, запахивая халат плотнее, — обязательно прилетает кто-нибудь с полномочиями.

Он пошёл к двери.

Дэвид остался у перил.

— Кристоф.

Старик остановился, но не обернулся.

— Она ответила сейчас? — спросил Дэвид.

Кристоф долго молчал, и это молчание вдруг стало важнее ответа. Ветер тянулся между ними, шуршал по настилу, по металлу ограждения, по ткани халата, и Дэвид почти физически чувствовал, как старик выбирает слово, от которого потом уже нельзя будет отказаться.

— Нет, — сказал Кристоф наконец. — Сейчас она позвала.

Он помолчал ещё немного.

— Что в принципе невозможно.

Кристоф вошёл внутрь.

Дэвид ещё несколько секунд стоял один. Внизу ничего не было видно, только темнота, горы и глубина, в которой можно было вообразить любое расстояние, любую смерть и любой путь туда, откуда двести лет не приходило ничего, пока вдруг не пришли два слова.

Потом он убрал фляжку в карман и пошёл за Кристофом.

Они спустились вниз. Станция жила своей обычной жизнью: вентиляция гнала сухой воздух по коридорам, где-то за стенами щёлкали реле, в дальнем блоке прошли двое техников, короткий радиообмен вспыхнул и погас за поворотом. Дэвид слышал всё это и почти ничего не запоминал. Обычные звуки стали слишком тонкими, как если бы поверх станции уже лежала другая реальность, ещё невидимая, но достаточно тяжёлая, чтобы всё привычное казалось временным.

До обеда оставалось несколько часов.

За это время невозможное успело стать повесткой дня.

К обеду конференц-зал начал заполняться.

Люди входили сначала по одному, затем группами. Двери открывались почти бесшумно, впуская внутрь холод, приглушённые голоса и запах мокрой ткани, и так же мягко закрывались за их спинами. Тех, кого доставили на станцию утром, Гималаи ещё не отпустили: с воротников капала талая вода, на ботинках белела соляная крошка, у некоторых в волосах застряли мелкие капли инея, не успевшие растаять даже в тепле зала.

Снаружи стояли горы.

Их нельзя было увидеть целиком — только ослепительный снег на дальних рёбрах, узкие тени в складках скал и белый огонь над вершинами, от которого хотелось щуриться даже сквозь затемнённое стекло. Станцию построили так высоко, что воздух здесь всегда казался недоста-

точным: дышать было можно, говорить — тоже, но тело ни на минуту не забывало, где находится. Любое движение давалось с едва заметной задержкой, будто между желанием и действием вставал разреженный слой высоты.

Даже молчание здесь было суше.

Дэвид сел в последнем ряду, ближе к стене. Прятаться он не собирался; просто отсюда было видно всё сразу: стекло, за которым белели горы, длинный стол, уже ожидавший людей с полномочиями, и сами люди, готовые решать судьбу чужого мира теми голосами, которыми обычно согласовывают маршруты, бюджеты, риски и допустимые уровни ответственности.

Кристоф сидел ближе к центру.

Он не разговаривал ни с кем. Слегка наклонившись вперёд, положив руки на стол, он смотрел не на экран, не в окно и не в лежащие перед ним бумаги, а куда-то между всеми этими предметами, туда, где, возможно, уже стояла планета GG-18 — не как объект обсуждения, а как старая вина, наконец вернувшая себе право быть услышанной.

Когда вошёл президент Международного космического агентства, объявлять его не пришлось.

Разговоры не оборвались резко; они просто не выдержали его появления и осыпались сами, как тонкий лёд под тяжёлым сапогом. Президент прошёл к своему месту, остановился, медленно оглядел зал, и за его спиной, в стекле, ослепительно белела дальняя вершина, будто сама гора слушала, что сейчас скажут люди.

— Сигнал подтверждён, — произнёс он.

Никто не задал вопроса.

— Источник — объект GG-18.

Несколько человек едва заметно шевельнулись. Имя планеты, почти двести лет лежавшее в закрытых слоях архивов, вдруг снова стало словом, которое можно произнести вслух, и это слово, пройдя через зал, изменило положение плеч, рук, лиц, взглядов.

— После почти двухсот лет молчания, — добавил президент.

Теперь стало совсем тихо.

Президент перевёл взгляд на Кристофа.

— Профессор Штайнер.

Кристоф встал.

Он одёрнул чуть коротковатый пиджак и на мгновение задержал пальцы на лацканах. Это не было жестом человека, поправляющего одежду перед выступлением. Скорее он проверял, слушаются ли руки, и только после этого поднял глаза на зал.

— В архивах это место проходит как закрытая зона длительного наблюдения, — сказал он. — Формулировка старая и лживая. Наблюдения там давно не было. Было давление. Воздействие. Серия попыток добиться ответа средствами, которые даже по меркам своего времени трудно назвать осторожными.

Он говорил негромко, и именно поэтому его слушали.

На экране появилась старая схема поверхности, собранная из архивных съёмок, поздних телеметрических обрывков и грубо восстановленных моделей. В некоторых местах данные зияли пустотой. Линии слегка дрожали, словно сами сомневались в собственной достоверности; отдельные участки были помечены серыми провалами, за которыми могло скрываться что угодно — ошибка записи, уничтоженный файл, намеренно стёртая зона или поверхность мира, который люди когда-то решили считать объектом.

— Всё, что у нас есть о нынешнем состоянии GG-18, — продолжил Кристоф, — это поздние фрагменты наблюдений, неполные реконструкции и два века тишины. Мы не знаем, что там осталось. Не знаем, в каком виде сохранилась среда. Не знаем, сохранилась ли она вообще в том виде, в каком её описывали первые группы.

Он сделал паузу.

— Но сигнал пришёл.

На экране сменилось изображение.

Две секунды ряби. Метки. Пустое окно. Потом — строка.

я скучаю

По залу прошло почти неслышное движение. Это не был шёпот и даже не вздох; просто воздух на мгновение иначе прошёл через человеческие лёгкие. Кто-то слишком медленно опустил взгляд. Кто-то, наоборот, уставился в экран так пристально, словно пытался заставить буквы распасться на техническую ошибку.

— Подлинность подтверждена, — сказал Кристоф. — Канал не подменён. Вмешательство не обнаружено. Источник совпадает с архивными координатами.

— Или кто-то очень хочет, чтобы мы так думали, — сказал представитель службы безопасности.

Он сидел справа от президента: прямой, сухой, с лицом человека, для которого любое неизвестное явление сначала является угрозой, затем объектом изоляции и только потом, возможно, чем-то ещё.

— Для такой имитации, — ответил Кристоф, — пришлось бы оживить то, что считалось мёртвым двести лет. Это не делает ситуацию проще.

— Тогда вопрос тем более очевиден, — сказала женщина из карантинного блока. — Контакт запрещается до полной оценки риска. Канал глушится, район закрывается, в систему вводится внешний карантин.

— Вы предлагаете заглушить первое сообщение оттуда за двести лет? — спросил Кристоф.

— Я предлагаю не подставлять людей под неизвестную биологическую, информационную или психическую угрозу.

— Очень разумно, — сказал Дэвид с заднего ряда. — Особенно если мы понятия не имеем, что именно собираемся глушить.

Несколько человек обернулись.

Президент посмотрел на него.

— Доктор Рейн?

Дэвид поднялся. Он не собирался выступать, не готовил фразу и не успел решить, насколько далеко готов зайти, но тело уже выбрало за него: он стоял, и теперь приходилось говорить.

— Мы можем сколько угодно называть это сигналом, помехой, приманкой или реакцией среды, — сказал он. — Но там два слова. Не команда управления, не угроза, не технический код. Просто два слова, слишком человеческие для той пустоты, куда мы их сейчас пытаемся вернуть.

— Именно поэтому это может быть опасно, — сказал представитель безопасности.

— Всё может быть опасно, если достаточно долго смотреть на мир из-за стола.

Кто-то тихо выдохнул. Это не было смехом; скорее у напряжения на секунду сорвалась маска.

Женщина из карантинного блока холодно посмотрела на Дэвида.

— Молодой человек, мы обсуждаем экспедиционный риск, а не ваше отношение к мебели.

— Я тоже обсуждаю риск, — ответил Дэвид. — Просто мебель здесь пока представлена убедительнее, чем экспедиция.

Президент поднял руку.

Зал снова стал неподвижным.

— Нам нужно решение, — сказал он. — Не философское. Операционное. Источник сигнала должен быть проверен.

— Дистанционный зонд, — сказала женщина из карантинного блока.

— До прибытия зонда туда пройдёт семь месяцев, — ответил Кристоф. — Минимум. И это если не будет политического согласования, а оно будет.

— Автоматический контактный модуль, — предложил представитель безопасности.

— Модуль даст нам измерения, — сказал Кристоф. — Температуру, состав, излучение, локальные изменения среды. Он подтвердит, что что-то происходит. Но контакта он не совершит.

— А вы хотите послать человека?

Кристоф не ответил сразу.

Дэвид сам не заметил, как сказал:

— Я полечу.

На секунду в зале стало так тихо, будто помещение потеряло воздух. Дэвид вдруг почувствовал край стола под пальцами, сухость во рту, пульс в запястьях и странную, почти постороннюю мысль: теперь это уже произнесено, и слова, сказанные вслух, не возвращаются обратно в безопасную область возможности.

Потом тишина лопнула.

— Нет, — сказала женщина из карантинного блока.

— Спасибо за подробный анализ моей кандидатуры, — сказал Дэвид.

— У вас нет профиля контактного специалиста.

— Судя по тому, что я успел узнать, специалисты по правильному контакту там уже были.

Результат впечатляет до сих пор.

— Доктор Рейн, — произнёс президент.

Дэвид посмотрел на него.

— Я обнаружил сигнал, — сказал он уже спокойнее. — Я видел первичную трассу. Я астроном, а не переговорщик, и, возможно, именно поэтому подойду лучше. Я не полечу туда доказывать, что понимаю происходящее. Я полечу смотреть. Для начала хотя бы это: смотреть, не давить, не требовать, не называть каждую непонятную вещь угрозой только потому, что она не заполнила нашу форму допуска.

Кристоф молчал.

Только один раз он повернул голову и посмотрел на Дэвида — недолго, внимательно, без одобрения и без попытки остановить. Этот взгляд был тяжелее поддержки. В нём не было ни гордости, ни удивления; скорее Кристоф уже видел дорогу, которую Дэвид только что сам открыл перед собой, и понимал, что теперь отговорить его было бы не заботой, а трусостью.

Спор продолжался долго, но уже не распадался на хаос.

Были названы риски, сроки, протоколы и пункты инструкций, которые всё равно пришлось бы нарушить, если они хотели ответить сейчас, а не через семь месяцев. Карантинный блок требовал запрета и внешнего кольца изоляции. Служба безопасности настаивала на вооружённом сопровождении, хотя никто не мог объяснить, против кого именно. Кристоф говорил о минимальном присутствии, о снижении давления на среду, о том, что повторять прежнюю ошибку под новым названием — самый простой способ снова ничего не понять.

Президент слушал всех и постепенно становился всё неподвижнее.

Когда наконец перешли к голосованию, решение прошло с перевесом в два голоса.

Лететь на GG-18 должен был один человек.

Дэвид Рейн.

С внешним машинным модулем поддержки, ограниченным правом автономного решения, полным карантинным протоколом и запретом на любые действия, которые могут быть истолкованы как активное воздействие на среду.

Формулировка была длинной, тяжёлой и совершенно бессильной перед простым фактом: Дэвид теперь должен был лететь туда, откуда двести лет не приходило ничего.

А потом пришло:
я скучаю

После голосования люди стали расходиться почти сразу. Они не бежали, не суеились, не показывали страха, но в их деловой поспешности чувствовалось облегчение: решение принято, ответственность обрела форму документа, а значит, её можно разложить по отделам, приложениям, протоколам и чужому будущему.

По-настоящему всё началось только вечером, в грузовом отсеке.

Сборы всегда выглядят унижительно.

Любая большая экспедиция в конце концов сводится не к судьбе планеты, не к страху, не к идее контакта, а к человеку, стоящему посреди железных ящиков и пытающемуся решить, какая из его личных глупостей имеет право лететь вместе с ним к неизвестному.

Отсек был длинный, холодный и гулкий. За узкими окнами уже синела горная ночь. Снаружи ветер шёл по обшивке станции длинными сухими ударами, словно кто-то проводил ногтями по металлу. Внутри пахло упаковочной плёнкой, смазкой, картоном, стерильными вкладышами и тем резко-кислым воздухом, который бывает только в местах, где вещи ещё не стали ничьими, но уже перестали принадлежать обычной жизни.

Дэвид стоял над раскрытым контейнером и смотрел на список, плавающий в воздухе над планшетом.

Список смотрел на него в ответ с осуждением.

Стандартный комплект. Медицинский набор. Запасные фильтры. Полевые анализаторы. Рационы. Одежда. Инструменты. Запасные коммутационные узлы. Личные вещи в пределах утверждённой массы.

И ниже — отдельной строкой, рукой самого Дэвида, словно признание вины:
виски

сигары

Мишель

Он перечитал список, потом поднял голову.

— Ну что, — сказал он, — с чего начнём унижение?

Мишель лежала на крышке соседнего ящика, поджав под себя лапы, как чёрное дорогое недовольство. Огромная мейн-кунша смотрела на него с тем видом, каким обычно смотрят на людей, которые сами создали себе проблему, а теперь почему-то ждут участия.

— Не смотри так, — сказал Дэвид. — Я работаю.

Мишель медленно моргнула, и в этом моргании было столько спокойного презрения к человеческой логистике, что Дэвид впервые за день почти улыбнулся.

Дверь за его спиной открылась.

В отсек вошли двое из логистики, специалист по карантинным протоколам и та самая женщина из административного блока, у которой уже по лицу было видно: она пришла не помогать, а запрещать. Кристоф появился последним и остался у двери, словно заранее решил, что будет вмешиваться только тогда, когда бюрократия окончательно перепутает безопасность с властью.

— Итак, — сказала женщина, глядя в планшет. — Личный груз должен быть сокращён до минимума. Полёт не туристический.

— Как жаль, — отозвался Дэвид. — А у меня был план на шезлонг.

Она не улыбнулась.

— Вы запросили четыре ящика односолодового виски.

— Уже скромность.

— И две коробки сигар.

- Во мне погиб великий аскет.
- И... — она подняла глаза, — кошку.
- Вот с этого и надо было начинать.

Мишель приоткрыла глаза, оценила женщину и снова закрыла их, явно не обнаружив перед собой объекта, достойного длительного наблюдения.

— Животное на объекте с неизвестной биологической средой исключено, — сказала женщина.

- Исключено кем?
  - Протоколом.
  - Протокол видел Мишель?
- Один из логистов тихо сказал:
- Дэвид, давай без этого.

Он повернулся к нему.

— Без чего? Без кошки? Без виски? Или без иллюзии, что вы понимаете, куда именно меня посылаете?

— Вас посылают выполнять задачу, — сказала женщина.

— Вот именно. И я очень хотел бы выполнять её в компании существа, которое не врёт ни себе, ни другим насчёт страха.

— Животное — это биориск.

— Я тоже биориск. Однако меня вы почему-то грузите.

Один из логистов нервно хмыкнул и тут же сделал вид, что закашлялся.

Женщина пролистнула документ.

— Алкоголь исключается полностью. Табак — полностью. Животное — полностью.

— Великолепно. Тогда, может быть, вы ещё решите, с какими снами мне лететь?

— Мы решаем то, что связано с безопасностью миссии.

— Нет, — сказал Дэвид. — Вы решаете то, что помогает вам чувствовать себя приличными людьми, отправляя другого человека к тому, что вы двести лет не могли ни понять, ни оставить в покое.

Воздух в отсеке сразу стал жёстче.

Женщина холодно посмотрела на него.

— Не начинайте.

— Я ещё даже не начал.

Он взял из ящика бутылку и посмотрел на свет. Янтарь внутри стекла был тёплым, почти домашним. Нелепо было думать, что в этой высоте, рядом с неизвестной планетой и предстоящим перелётом, человека может утешить такая мелочь. Но именно мелочи иногда удерживают мир от окончательного распада: запах дыма, тяжесть кошки на руках, вкус виски, старая шутка, контейнер с личными вещами, право самому выбрать, что взять с собой туда, где ни один протокол всё равно не спасёт от главного.

— Ладно, — сказал он. — Виски можете забрать.

Логисты переглянулись.

— И сигары тоже, — добавил Дэвид. — Я переживу.

Женщина уже хотела что-то отметить в планшете, когда Дэвид положил ладонь на крышку ящика, где лежала Мишель.

— Но кошка полетит.

— Нет.

— Да.

— Это не обсуждается.

— Тогда и я, возможно, тоже.

Кто-то шумно выдохнул.

— Дэвид, не устраивай цирк, — устало сказал один из логистов.

— Это не цирк, — ответил он, не отводя взгляда от женщины. — Это единственное условие, которое для меня имеет смысл.

— Объясните, каким образом присутствие животного повышает шансы миссии?

— Никаким понятным для вас.

— То есть никак.

— То есть я лучше знаю, что мне нужно.

— Это не аргумент.

— Для человека, которого вы только что отправили одного на закрытую планету после двухсот лет институционального позора, — вполне аргумент.

— Вы переходите границы.

— Я лечу к границам. Разницы почти нет.

Она уже открыла рот, чтобы оборвать его окончательно, но у двери заговорил Кристоф. До этого он молчал так долго, что о нём почти забыли.

— Хватит.

Он сказал это негромко, но все сразу обернулись.

Кристоф стоял, положив одну руку на металлическую стойку. В отсечном свете лицо у него казалось уставшим, почти прозрачным. За маленьким окном у него за спиной горы уже исчезли в темноте, и от этого казалось, что говорит он не из комнаты, а прямо из ночи, которую они все пытались не замечать.

— Виски и сигары уберите, — сказал он. — Они ему не нужны.

Дэвид скривился, но промолчал.

Кристоф перевёл взгляд на Мишель.

Кошка, как всегда, не проявила к происходящему никакого уважения. Она зевнула, показав клыки, вытянула переднюю лапу и снова улеглась с видом существа, которое пережило достаточно человеческих драм, чтобы не вставать по каждой.

— А кошка полетит, — сказал Кристоф.

— Профессор, — резко начала женщина, — мы не можем...

— Можете.

Теперь в его голосе появилось то, что редко у него слышали: не громкость, не гнев, а усталое право человека, который слишком давно наблюдает, как другие прикрывают страх регламентом.

— Если вы не можете доверить ему кошку, — сказал Кристоф, — как вы собираетесь доверить ему экспедицию?

Никто не ответил.

Отвечать было нечем.

Женщина закрыла планшет чуть резче, чем собиралась.

— Это будет зафиксировано как исключение.

— Записывайте как хотите, — отозвался Дэвид.

Он осторожно поднял Мишель на руки. Кошка была тяжёлая, тёплая и совершенно спокойная, словно вопрос о перелёте на закрытую планету никогда не входил в число событий, достойных кошачьего волнения.

Дэвид уткнулся щекой в её шерсть и на секунду закрыл глаза.

— Видишь? — тихо сказал он. — Хоть кто-то здесь ещё способен принимать разумные решения.

Мишель медленно моргнула.

За стенами отсека ветер снова ударил по станции — длинно, сухо, по-горному.

Сборы продолжались ещё два часа.

Когда всё было уложено, взвешено, перепроверено и опечатано, люди начали расходиться быстро, с той деловитой поспешностью, за которой всегда прячется облегчение: самое неприятное на сегодня сделано, теперь можно переложить его на чужое будущее. Женщина из администрации ушла первой. Логисты — следом. Последний из них уже у двери обернулся, будто хотел что-то сказать Дэвиду, но передумал и только махнул рукой.

Потом дверь закрылась.

В отсеке стало тише.

Не совсем тихо; просто без чужих голосов снова стал слышен настоящий звук станции: сухой гул вентиляции, лёгкое подрагивание металла где-то в стенах, редкие щелчки охлаждающих контуров. За узкими окнами стояла густая горная ночь. Она не светилась, не мерцала, не обещала рассвета — только давила снаружи чёрной высотой, в которой воздух был тоньше памяти.

Дэвид сидел на краю контейнера и смотрел на опечатанный груз, будто тот принадлежал уже не ему, а какому-то другому человеку, собранному из тех же костей, но с чуть меньшим числом сомнений.

Мишель по-хозяйски устроилась на верхнем ящике и вылизывала лапу с тем сосредоточенным достоинством, с каким великие державы обычно подписывают мирные договоры.

Кристоф всё ещё стоял у двери.

Потом подошёл ближе.

— Ну что, — сказал Дэвид, не поднимая головы. — Спасибо хотя бы за кошку.

— Это было не «хотя бы», — ответил Кристоф. — Это было главное.

Дэвид усмехнулся.

— Да, но виски ты сдал без боя.

— И сигары.

— Особенно сигары.

Кристоф не ответил сразу. Вместо этого он оглянулся на дверь, словно проверял, действительно ли они остались одни, потом молча подошёл к дальнему стеллажу, где среди служебных ящиков стоял ещё один контейнер — узкий, металлический, с матовой серой поверхностью.

Он взял его обеими руками и поставил на стол между ними.

Контейнер был небольшой, тяжёлый на вид, запаянный по швам тёмным заводским швом. Сверху чёрным техническим шрифтом было выведено:

ЛАБОРАТОРНОЕ СТЕКЛО

НЕ КАНТОВАТЬ

Дэвид поднял брови.

— Что это?

Кристоф положил ладонь на крышку.

— Мой подарок тебе.

Дэвид посмотрел на него, потом на надпись, потом снова на него.

И вдруг понял.

На секунду его лицо стало совершенно мальчишеским — без усталости, без злости, без той кривой иронии, за которой он прятался почти весь день.

— Ты серьёзно?

— При ней я не мог поступить иначе, — сказал Кристоф. — Здесь виски и сигары.

Дэвид уставился на контейнер так, словно тот был самым невероятным предметом на станции.

— Сколько?

— Столько, сколько нужно, чтобы не умереть от административной заботы.

Дэвид коротко хмыкнул, но смех у него тут же сломался где-то в горле.

Он встал.

Несколько секунд просто смотрел на Кристофа.

Потом шагнул к нему и обнял — быстро, крепко, по-человечески, без слов и без неловкой попытки превратить этот жест в шутку.

Кристоф чуть замер, будто уже отвык от того, что люди иногда благодарят не формулировкой, а телом. Потом осторожно похлопал его по спине.

— Только не растрогайся так, будто я дал тебе смысл жизни, — сказал он. — Там всего лишь хороший виски.

Дэвид отступил, вытер ладонью лицо и улыбнулся.

Уже по-настоящему.

— Знаешь, — сказал он, — в такие минуты я почти готов поверить, что ты человек.

— Не привыкай.

Мишель, как будто сочтя момент избыточно сентиментальным, прыгнула с ящика на стол, прошла между ними, понюхала металлический контейнер и села рядом.

— Вот, — сказал Дэвид. — Она тоже одобряет.

— Это вряд ли. Она просто проверяет, не забыли ли туда положить что-нибудь полезное.

Дэвид провёл пальцем по чёрной надписи: НЕ КАНТОВАТЬ.

— Красиво придумано.

— Я старый человек. У меня мало радостей. Одна из них — обманывать бюрократию её же собственным языком.

Дэвид тихо рассмеялся.

Потом снова посмотрел на контейнер, и улыбка на его лице стала мягче.

— Спасибо, Кристоф.

Тот кивнул, словно благодарность была вещью слишком тяжёлой, чтобы держать её в разговоре долго.

— Когда будешь там, — сказал он, — не трать это сразу.

— А сигары?

— Сигары можешь тратить как угодно. Это всё равно дурная привычка.

— А виски?

Кристоф посмотрел на него внимательно.

— Виски оставь на тот момент, когда поймёшь, что всё действительно началось.

Дэвид хотел что-то ответить, но промолчал.

Снаружи ветер снова длинно провёл по обшивке станции. Где-то далеко, за металлом, стеклом, льдом и тьмой, уже ждал мир, который двести лет молчал, а потом вдруг выбрал для возвращения два самых человеческих слова.

Дэвид положил ладонь на серую крышку контейнера.

Мишель боднула его в запястье.

— Ну что, — сказал он тихо, больше им обоим, чем себе. — Похоже, теперь действительно пора.

И только после этого по-настоящему поверил, что полетит.

Глава 2

Корабль вышел из прыжка резко, почти грубо.

В старых фильмах это всегда выглядело иначе: пространство раскрывалось перед кораблём, звёзды вытягивались в световые нити, музыка поднималась из темноты, и человек, сидящий в кресле, на несколько секунд становился участником великого, почти священного перехода между мирами.

В действительности всё было проще и неприятнее.

Одно давление сменилось другим, корпус коротко дрогнул, где-то под правой панелью глухо щёлкнул фиксатор, в висках появилась тугая, нехорошая пустота, а чёрное смазанное ничто за обзорным стеклом снова стало космосом — обычным, холодным, бесконечно равнодушным космосом, в котором не было ни музыки, ни величия, ни малейшего намерения облегчать человеку встречу с тем, к чему он сам себя приговорил.

Дэвид открыл глаза.

Он не помнил, когда именно успел их закрыть. Возможно, в последнюю секунду перед выходом. Возможно, раньше, когда корабль уже начал собирать тело в переход, а сознание ещё пыталось делать вид, что всё остаётся нормальным. После дальних прыжков всегда оставалось это короткое несовпадение: приборы уже говорили, что ты здесь, а тело ещё не успевало решить, где именно оно находится и имеет ли смысл продолжать доверять внутреннему уху.

На секунду показалось, что ничего не произошло.

Те же панели, то же кресло, то же сухое гудение систем, тот же слабый металлический привкус во рту, который всегда оставался после перехода, будто пространство, пропуская через себя человеческую машину, на мгновение касалось зубов и языка.

Потом Дэвид поднял голову.

И увидел всё сразу.

Сначала — планету.

Она висела впереди, чуть ниже оси корабля, большая, почти неподвижная, странно спокойная в своей тяжёлой светлой массе. В ней не было того внезапного приближения, которого он ждал после всех расчётов и предупреждений; напротив, казалось, будто она была здесь всегда, а корабль просто слишком долго добирался до точки, откуда наконец можно было признать её присутствие.

Потом он увидел звёзды.

Одну — левее и выше: синюю, холодную, жёсткую, почти белую по краю своего сияния. Другую — ниже и дальше: красную, глуше, темнее, как раскалённый металл, уже начинающий остывать, но всё ещё хранящий внутри тяжёлое тепло.

Они держали планету между собой, и от этого весь вид с первого же взгляда казался неправильным. Свет не падал так, как должен падать свет в человеческой памяти. Он не собирался в одну логику, не давал поверхности простого дня и простой ночи. Мир впереди был освещён сразу двумя началами, не согласными друг с другом: синий вырезал края, красный ложился глубже, и уже издали было понятно, что тени там должны жить иначе, чем привык человек.

Дэвид машинально подался вперёд, хотя обзорное стекло было слишком далеко, чтобы телом сократить расстояние.

Сначала он не понял, что именно видит.

Ему давно казалось, что к чужим мирам невозможно испытывать настоящее удивление. Любой астроном, если проживёт в профессии достаточно долго, рано или поздно начинает видеть прежде всего параметры: массу, плотность, спектр, динамику атмосферы, альbedo, углы

освещённости, температурные перепады, отражённую статистику. Красота приходит позже, если для неё остаётся место после чисел.

Но здесь первой пришла не красота.

И не наука.

Пришла сухость.

Планета была светлой — не белой, не голубой, не сизой, как живой водный мир под облаками, а выгоревшей, матовой, с огромными жёлто-серыми полями, ржавыми пятнами, пепельными плато и длинными разломами, тянувшимися на тысячи километров. Синий свет лежал по гребням, стеклянным равнинам и краям высохших чаш, красный забирался в трещины, делал тёмные русла глубже и возвращал пеплу слабое подобие жара.

Тени не совпадали.

Мир казался освещённым дважды — и дважды оставленным.

В некоторых местах поверхность выглядела почти стеклянной, будто её когда-то не просто сушили, а жгли; не стихией, не естественной гибелью, а долгим направленным усилием, достаточно терпеливым, чтобы превратить живое в образец, а потом образец — в пустыню.

Дэвид молчал.

Потом очень тихо сказал:

— Вот же суки.

Это было первое, что пришло ему в голову.

И первое, что оказалось правдой.

Корабль медленно доворачивался на курсе. Автосистема выводила параметры сближения в правой панели, не требуя немедленного вмешательства, но Дэвид почти не смотрел на цифры. Цифры пригодятся позже. Сейчас перед ним была не модель, не поздняя реконструкция, не архивная схема с провалами данных, а сама GG-18, и она не оставляла человеку той маленькой трусливой щели, куда ещё можно было бы спрятать надежду на ошибку.

На старых материалах, которые показывали в Гималаях, ещё можно было обманываться. Неполные карты, поздняя телеметрия, разорванные спектры, скверно восстановленные изображения — всё это всегда можно списать на плохую технику, на шум, на чужую панику, на недостаток контекста, на то, что люди после катастроф любят видеть катастрофу даже там, где сохранилось больше, чем им кажется.

Но планета в обзорном стекле не позволяла такой роскоши.

Она была почти безводна.

Почти.

Дэвид заметил это не сразу. Слишком мощным был первый удар сухости, слишком легко глаз подчинился общей картине разрушения. Потом внимание зацепилось за движение света у границы дня и ночи, за едва заметные тени в верхних слоях атмосферы, за тонкие разорванные полосы над освещённой стороной.

Облака.

Редкие, высокие, почти прозрачные. Не плотная система, не дыхание полноценного водного мира, а несколько белёсых образований, тонких, как след пальцев на стекле. Их было мало — униженно мало для планеты, которая когда-то, если верить старым описаниям, была связана водой так глубоко, что сами материки казались не сушей, а временной уступкой.

Но облака были.

Дэвид перевёл взгляд ниже, потом выше, потом снова вниз.

Да.

Вода не исчезла совсем.

Где-то внизу ещё оставались участки испарения. Озёра. Провалы. Сохранившиеся чаши. Возможно, глубинные выходы. Возможно, остаточные бассейны, которым просто не дали умереть до конца.

Он почувствовал, как внутри что-то слегка сдвинулось.

Для надежды было слишком рано. Надежда в таких местах вообще казалась почти неприличной. Это было другое: раздражённое облегчение профессионала, увидевшего, что мир не сводится к первому впечатлению, что поверхность ещё держит в себе остатки логики, а не только следы казни.

Дэвид протянул руку к панели.

— Бортовой журнал. Начать запись.

Система отозвалась коротким сигналом.

Он не сразу заговорил. Сначала посмотрел на планету ещё раз, как будто хотел убедиться, что голос у него не сорвётся на первой же фразе.

— Первичный визуальный контакт с объектом GG-18, — сказал он наконец. Голос оказался ровным, суше, чем хотелось бы. — Подтверждаю: планета радикально отличается от ранних архивных описаний. Доминирует сухая поверхность. Глобального водного покрова не наблюдаю. Освещение двойное, от синей и красной звёзд системы. В атмосфере присутствуют редкие облачные образования, следовательно, вода сохраняется по крайней мере локально. Предположительно — в виде остаточных бассейнов или изолированных гидрологических зон.

Он замолчал.

Посмотрел на планету уже не как на объект записи.

— Похоже, они всё-таки не добились тебя до конца, — добавил он тише.

Только после этого выключил журнал.

Из тёмного угла за креслом послышалось ленивое движение. Мишель, до этого спавшая в закреплённой сетке с видом существа, пережившего прыжок исключительно из вежливости к несовершенному устройству Вселенной, медленно подняла голову, недовольно мигнула и некоторое время смотрела в пустоту перед собой, будто решала, достаточно ли серьёзно нарушен порядок вещей, чтобы вставать.

Потом она всё же выбралась из сетки.

Спрыгнула на пол мягко, почти бесшумно, прошла вдоль кресла и, не спрашивая разрешения, одним тяжёлым прыжком поднялась Дэвиду на колени.

— Ну да, — сказал он. — Самое время.

Мишель дважды повернулась, устраиваясь, затем улеглась всей своей большой тёплой длиной так уверенно, будто корабль, прыжок, почти мёртвая планета впереди и возможный контакт с нечеловеческим разумом были всего лишь неудачно выбранным фоном для её нормального отдыха.

Дэвид опустил ладонь ей на спину.

Шерсть была тёплая.

Слишком настоящая в этом металле, вакууме, двойном свете и чужой орбите.

Он снова посмотрел вперёд.

Теперь, когда первый удар прошёл, взгляд начал работать точнее. Светлые плато. Тёмные разломы. Огромные пересохшие русла, сплетённые внизу, как сеть вен, оставшихся в теле после того, как из него откачали кровь. Тут и там — округлые впадины, слишком правильные, чтобы быть просто тенью. Где-то, возможно, вода. Где-то стекловидные провалы. Где-то следы старых воздействий, которые ещё предстояло отличить от геологии.

Он задал параметры захвата.

Корабль отозвался едва заметным изменением гула. Под полом тяжело, но послушно включились корректирующие двигатели, свет на панели дрогнул, планета впереди словно медленно поплыла вверх, хотя на самом деле это корабль начинал ложиться на дугу входа.

Дэвид смотрел на горизонт GG-18.

С такого расстояния он был почти красив — не доброй красотой и не манящей, а строгой, тяжёлой, той красотой, которая иногда появляется на краю непоправимого. Две звезды

держали его с разных сторон: синяя вырезала край атмосферы тонкой ледяной линией, красная давала ниже слабый тёплый ореол, похожий не на рассвет, а на остаточное свечение после пожара.

— Установить предварительную орбиту.

Система подтвердила команду.

На секунду Дэвиду захотелось потянуться к металлическому контейнеру с надписью ЛАБОРАТОРНОЕ СТЕКЛО, закреплённому в нижнем отсеке. Не пить. Даже не открывать. Просто коснуться крышки, чтобы знать: он здесь, он настоящий, Кристоф не шутил, и внутри действительно есть что-то человеческое, пахнущее древесиной, дымом и временной победой над бюрократией.

Но было рано.

Он ещё даже не вошёл в орбиту.

Корабль начал поворачиваться плавнее. Внизу поверхность становилась подробнее, и от этого хуже. Там, где издали виделась просто сухость, проступала структура разрушения: огромные участки корки, вспоротые длинными, почти прямыми линиями; сетки старых выработок или каналов; тёмные правильные пятна, слишком геометричные для природы; участки, где рельеф был не образован, а как будто разобран и снова брошен без попытки восстановить форму.

Следы станций.

Полевых лагерей.

Насосных площадок.

Мёртвых комплексов.

Он пока не знал, что именно видит, но уже видел достаточно, чтобы ненавидеть их всех оптом: тех, кто прилетал сюда раньше; тех, кто называл это экспериментом; тех, кто искал контакт, как ищут способ взлома; тех, кто, вероятно, произносил правильные слова о науке, прогрессе, уникальности объекта и необходимости настойчивости, пока планета медленно высыхала у них под приборами.

Дэвид наклонился ближе к стеклу.

Над одной из тёмных впадин действительно висело облако. Небольшое, почти смешное на фоне всего остального. В двойном свете оно казалось чем-то невозможным — слишком малым, слишком одиноким, но настоящим.

— Ты ещё здесь, — сказал он.

Теперь это уже не звучало как предположение.

Корабль вошёл в расчётную плоскость. Панель мигнула зелёным.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОРБИТА УСТАНОВЛЕНА

Дэвид выдохнул, не сразу заметив, что всё это время почти не дышал полной грудью.

— Ну вот, — сказал он. — Мы и познакомились.

Он включил внешний обзор по секторам, вывел план облёта, разметил возможные зоны спуска и области с признаками остаточной влаги. Один виток. Потом второй. Если понадобится — третий. Он хотел увидеть всю планету прежде, чем выбирать место для посадки; хотел понять, где она ещё сопротивляется смерти, а где уже поздно искать что-либо, кроме пыли и следов человеческой работы.

Мишель приподняла голову и посмотрела вперёд.

— Да, — сказал Дэвид. — Я тоже это вижу.

Космос снаружи был беззвучен. Корабль держался на орбите легко, почти оскорбительно легко, как будто техника не знала, над чем именно сейчас пролетает.

А внизу лежала планета.

Не мёртвая.

Хуже.

Изувеченная.

И всё ещё живая настолько, чтобы когда-то послать ему два слова.

Дэвид протянул руку к панели общей съёмки и задал полный цикл обзора.

— Начинаем облёт.

И только после этого по-настоящему почувствовал, что всё прежнее — перелёт, совещание, сборы, голосование, контейнер Кристофа, даже горный холод Гималаев — было только длинным подходом к этой минуте.

Он начал с полярной траектории.

Так было честнее.

Полярный облёт не даёт обманываться тем, что у планеты есть удачная сторона. Он заставляет смотреть на всё: на свет и тень, на сушу и провалы, на раны, которые издавна легко принять за особенности рельефа, пока угол не сменится и они не выстроятся в систему.

Корабль шёл ровно.

Панорама медленно смещалась под ним, и каждый новый участок поверхности не опровергал предыдущий, а добавлял к нему ещё одну форму увечья.

Здесь когда-то текла вода.

Теперь об этом говорила только геометрия пустоты. Русла были видны почти везде — огромные, бледные, переплетённые, как высохшие жилы в теле великана. Некоторые ещё угадывались как бывшие потоки: широкие, ленивые, многорукавные. Другие выглядели так, будто по ним когда-то прогнали не воду, а технику, срывая берега, вскрывая дно, разбирая саму форму ландшафта на полезные и бесполезные части.

Он увеличил один из районов.

Трещины. Уступы. Длинные прямые линии, слишком уверенные для случайной природы. Следы старых работ. Разметка. Траншеи. Взрезанные участки коры. Нечто вроде насосных полей или заброшенных платформ, теперь почти неотличимых от рваной породы.

— Ну конечно, — сказал он. — Как же без этого.

Мишель не ответила. Только пошевелила хвостом, не открывая глаз.

Он провёл корабль дальше, над ночной стороной, потом снова вывел его к свету. Где-то впереди, чуть выше расчётной плоскости, мигнул сигнал старого металла.

Сначала Дэвид решил, что это помеха.

Потом автоматика подтвердила отражение.

Небольшой объект. Слабый отклик. Медленное дрейфовое вращение. Орбитальный мусор.

Он вывел сектор на экран.

И увидел станцию.

Точнее, то, что от неё осталось.

Она висела в стороне от главной плоскости, чуть выше, чем следовало бы для устойчивой рабочей орбиты, словно после гибели ещё какое-то время пыталась сохранять достоинство и только потом позволила законам механики делать с собой всё, что они делают с брошенным металлом.

В двойном свете старый корпус выглядел не мёртвым, а всё ещё не остывшим.

Центральный каркас был цел.

Один кольцевой сегмент — тоже.

Остальное держалось на упрямыстве, поздней сварке и остатках конструкции.

Один из модулей был вскрыт, как консервная банка. Обшивка отогнулась наружу тёмными лепестками. Дальний радиаторный узел отсутствовал полностью; на месте стыка торчали рваные фермы, чёрные, как обугленные кости. Ещё один сегмент, похоже, когда-то отделился и теперь висел рядом на остаточных связях, медленно, почти нежно вращаясь вокруг собственной оси.

Ни огня.

Ни сигнальных огней.

Ни дежурного блеска обслуживаемой техники.

Только мёртвый металл над планетой, которую он пережил не потому, что был прочнее, а потому что не умел умирать.

Дэвид приблизил изображение ещё.

На одном из внешних щитов кое-где сохранилась маркировка, но буквы были сбиты микрометеоритами и временем так, что прочитать их уже не удавалось. Зато было видно другое: следы грубой поздней сварки, заплаты, дополнительные рёбра, кустарные усиления в местах, где что-то ломалось уже после основного монтажа.

Они держали её до последнего.

Выжимали.

Чинили на ходу.

Снова выжимали.

Потом бросили.

Дэвид смотрел на станцию долго.

Мишель открыла глаза. Несколько секунд она смотрела не на экран, не на рваный металл и не на мёртвый каркас, а на его руку, сжавшую подлокотник. Потом медленно моргнула и снова положила голову на лапы.

Дэвид даже не заметил этого.

В станции не было красоты руин. Не было и романтики старой техники. Только бессмысленная упрямоть человеческого присутствия: пришли, врезались в мир, повисли над ним, ломали его и себя, а потом сгнили на орбите, как ржавый крюк над пустым колодцем.

— Вот ваш памятник, — тихо сказал он.

На секунду ему захотелось подойти ближе.

Не потому, что там могло найтись что-то полезное. Просто из той болезненной тяги, с какой человек иногда смотрит на остатки чужого провала и ищет не информацию, а подтверждение: да, всё это действительно было.

Но станция никуда не девалась двести лет и не собиралась деваться в ближайшие часы.

А планета внизу ждала сейчас.

Дэвид отвёл корабль чуть в сторону и продолжил облёт.

После мёртвого каркаса орбиты сама поверхность стала смотреться ещё невыносимее, будто железо наверху было не отдельной руиной, а всего лишь тенью того, что сделали внизу.

Час шёл за часом.

GG-18 поворачивалась под кораблём медленно, как огромное избитое животное, слишком усталое, чтобы прятать раны. Иногда казалось, что он уже видел достаточно, что дальше будет только повторение: сухие русла, пустые чаши, стеклянные поля, ржавые полосы, следы старых работ, пыль, пыль, пыль.

И всё-таки вода была.

Иногда — только облаком.

Иногда — смутной тенью в глубокой чаше.

Иногда — отблеском, настолько кратким и точным, что Дэвид сперва принимал его за ошибку освещения.

Потом на четвёртом секторе южного полушария он увидел нечто, от чего выпрямился так резко, что Мишель недовольно открыла глаза.

Между двумя хребтами, далеко в глубине материка, лежало озеро.

Небольшое. На планетарном масштабе — почти точка. Но после всего, что он видел до этого, оно казалось невозможным.

Дэвид увеличил изображение.

Горы поднимались вокруг него плотным кольцом, не очень высокие по меркам планеты, но достаточно крутые, чтобы образовать настоящую каменную чашу. Склоны были сухими, светлыми, местами почти белыми, будто вываренными двумя солнцами за столетия. В трещинах лежали фиолетовые тени. Над дальним краем держалось облако — уже не тонкая белёсая мазня, а настоящее облачное тело, плотное, медленное, с едва заметным внутренним движением.

А внизу была вода.

Тёмная.

Глубокая.

Ровная.

Не грязная лужа в растрескавшемся дне, не остаточный зеркальный налёт, не случайный блеск на минерале, а настоящее озеро — длинное, вытянутое между горами, такое спокойное, что казалось не природным объектом, а мыслью, которую кто-то удерживает из последних сил.

Свет лежал на нём особым образом.

Синяя звезда давала по поверхности холодную стальную полоску. Красная — глубокий, почти кровавый отблеск у дальнего берега. Между ними вода не смешивала цвета, а держала оба отдельно, словно и сама не хотела выбирать, как именно ей отвечать этому небу.

Дэвид долго не двигался.

Потом увеличил район ещё. Проверил атмосферную влажность. Температуру. Минерализацию. Рельеф. Возможные зоны посадки. Ветровой профиль в горной чаше. Сейсмическую активность. Состав облачного слоя.

Данные собирались медленно, но без тревоги.

Зона была странной.

Живой.

Не безопасной — это слово здесь вообще не годилось, — но собранной, удержанной, как будто весь этот район существовал не просто по остаточной инерции, а вопреки окружающей смерти.

— Вот ты где, — сказал Дэвид.

Он вывел посадочную схему на центральную панель.

Плато оказалось не идеальным, но пригодным: вытянутая каменная полка у южного берега, чуть выше уровня воды, с относительно ровной поверхностью и двумя участками, где опоры могли встать без риска уйти в сыпучую крошку. До озера — около тридцати метров по наклонной светлой полосе, похожей на древний пляж.

— Слишком красиво, — пробормотал он. — Значит, где-то подвох.

Автопилот предложил принять управление на себя.

Дэвид отказался.

Не из геройства. Просто в такие моменты он всегда предпочитал ошибаться собственными руками. Это было старое профессиональное суеверие: если идёшь в неизвестное, не переключивай первое касание на машину. Машина потом всё равно не вспомнит, как именно ты туда пришёл.

Он положил ладони на управление.

Корабль послушно ответил.

Гравитация здесь действительно была ниже земной. Он чувствовал это даже сейчас, в кресле: по тому, как иначе отзывалась машина на коррекцию тяги, как мягче шёл вертикальный разворот, как ленивее тянула вниз масса. Борг уже выдал предварительную оценку: фактическое притяжение заметно ниже, чем в старых архивах по GG-18. Планета за прошедшие столетия изменилась не только снаружи. Её общий объём был меньше прежних расчётных параметров, плотностная картина ушла, внутренний баланс сместился.

Чужой мир действительно стал меньше.

Физически.

Будто из него веками вымывали не только воду, но и вес.

Эта мысль ему не понравилась.

Он снизился ещё.

На правом экране проскочил спектральный анализ атмосферы у поверхности. Система отметила недостаток кислорода, высокую долю мелкодисперсной минеральной взвеси, следы газов, безопасных в микроколичествах, но нежелательных при длительном вдыхании. Воздух был слишком сухим, слишком бедным, слишком чужим.

Пригодной для дыхания атмосферы не было.

Это не удивило его, но всё равно разочаровало. Озеро обманчиво успокаивало. На вид мир внизу на секунду почти позволял поверить, что здесь можно просто выйти, вдохнуть, закутить и сесть у воды, как на очень плохом курорте для обречённых.

Нет.

Только скафандр.

Только фильтры.

Только слой техники между собой и этой красотой.

— Ну конечно, — сказал он. — С чего бы хоть раз обошлось без лишней сложности.

Мишель потянулась у него на коленях, выпустила когти ровно настолько, чтобы напомнить о своём праве на участие, и снова улеглась.

— Не начинай, — сказал Дэвид. — Я тоже предпочёл бы без скафандра.

Он вывел на экран сводку района и включил запись.

— Бортовой журнал. Предварительный облёт объекта GG-18 завершён частично. Обнаружены следы масштабного изменения поверхности, вероятно искусственного или связанного с прежним направленным воздействием. Зафиксированы остатки старой орбитальной станции. Конструкция частично разрушена, признаков активности нет.

Он сделал паузу.

— Как и следовало ожидать.

Ему не понравилось, как прозвучала эта фраза. Слишком сухо. Слишком похоже на отчёт людей, которые когда-то тоже умели прятать за формулировками всё, что не хотели чувствовать.

Он продолжил уже медленнее:

— В южном полушарии обнаружена локальная гидрологическая зона. Озеро в горной чаше. Сопровождается устойчивым облачным образованием и повышенной атмосферной влажностью. Предварительно оцениваю район как наиболее перспективный для посадки и дальнейшего контакта.

Он выключил запись.

Некоторое время Дэвид сидел, не двигаясь. Просто смотрел на озеро между гор, и чем дольше смотрел, тем сильнее становилось странное чувство: перед ним не место, а ответ. Не окончательный, не понятный, ещё не переведённый ни на один человеческий язык, но уже вполне осмысленный.

Не «я скучаю».

Более ранний.

Более точный.

Дэвид медленно откинулся на спинку кресла.

— Ладно, — сказал он. — Посмотрим, кто из нас двоих сейчас больше врёт.

Он ввёл команду на уточнение орбиты под будущий спуск.

Корабль послушно изменил курс.

А внизу, между сухими хребтами почти мёртвой планеты, в несовпадающем свете синей и красной звёзд продолжала лежать вода — прекрасная, страшная и такая спокойная, будто

ждала его не два века, а ровно столько, сколько нужно, чтобы человек наконец прилетел один, с кошкой, с чужим виски, с поздним стыдом своего вида и хотя бы зачатком способности смотреть, не требуя немедленного ответа.

Глава 3

Спуск он начал на следующем витке.

Озеро снова вышло из-за края планеты — сначала тёмной полосой между хребтами, потом вытянутым пятном воды, потом целой чашей, где свет двух звёзд лежал отдельно: синий — по ближней кромке, красный — глубже, у дальнего берега.

Дэвид не сразу дал команду.

Он сидел в рубке, пристёгнутый к креслу, и смотрел вниз. На центральной консоли уже горела посадочная схема: южный берег, каменная полка, две допустимые точки опоры, наклон к воде, слабый ветер со стороны скалы. Система несколько раз предлагала автоматический режим. Он каждый раз сбрасывал запрос одним движением пальца.

Мишель лежала в сетке у боковой переборки, вытянув передние лапы. При каждом изменении тяги её усы чуть дрожали, но сама она не двигалась, только смотрела на него жёлтыми глазами, будто заранее осуждала всё, что должно было случиться дальше.

— Я знаю, — сказал Дэвид. — Можно было остаться дома.

Кошка моргнула.

Он положил ладони на управление.

— Начать снижение.

Корабль отозвался низким, мягким гулом.

Планета пошла навстречу.

С орбиты GG-18 ещё держала видимость карты. При снижении карта распадалась. Сухие плато становились рваными полями, старые русла — глубокими шрамами, светлые полосы у хребтов — осыпями и обнажённой породой. Синий свет резал выступы холодно, почти металлически; красный заполнял провалы так, будто под камнем ещё тлел старый жар.

Корпус едва заметно дрожал. На стекле внешнего обзора на несколько секунд появилась серая дымка верхней атмосферы, потом её сорвало потоком. Консоль выдала предупреждение о мелкой минеральной взвеси. Дэвид не ответил. Он и сам видел: воздух здесь был пыльный, бедный, тонкий; даже через приборы чувствовалась его сухая, выжженная природа.

Горы у озера выросли быстро.

Склоны, которые с орбиты казались гладкими, оказались изломанными и стёртыми. В трещинах лежали фиолетовые тени. По одному из уступов тянулась тёмная полоса — влажная или просто иначе освещённая. Ниже, под скалой, блеснула вода.

Озеро появилось сразу всё.

Дэвид поймал себя на том, что задержал дыхание.

— Вижу площадку, — сказал он.

Система подсветила каменную полку у южного берега. До воды оставалось около тридцати метров. Место было узким, неровным, но терпимым. Слишком близко к озеру, слишком близко к скалам, слишком красиво для хорошей посадочной зоны.

— Конечно, — пробормотал он. — А где же ещё.

Автопилот снова предложил взять управление.

Дэвид сбросил запрос.

Корабль вошёл в последнюю фазу. Озеро ушло влево, край берега поднялся почти до уровня рубки. Под днищем взметнулась пыль — сначала тонко, потом плотнее, золотисто-серым облаком, в котором на несколько секунд исчезли и камни, и вода, и собственная тень корабля.

— Тише, — сказал Дэвид.

Он не понял, кому именно: кораблю, себе или планете.

Корпус опустился ещё на метр.

Потом ещё.

Опоры коснулись грунта мягче, чем он ожидал. Корабль коротко качнуло, пыль ударила в обзорное стекло и пошла вниз тяжёлыми слоями.

И всё стихло.

В рубке остался только ровный гул систем.

На консоли загорелось:

ПОСАДКА ЗАВЕРШЕНА

Дэвид несколько секунд смотрел на эту надпись.

Потом поднял глаза.

Пыль оседала медленно. За ней проступал берег — бледный, каменистый, с тёмными влажными пятнами ближе к воде. Озеро лежало совсем рядом. Уже не изображение, не сектор, не гидрологическая зона. Вода у чужого берега, под двумя звёздами, на планете, которую почти убили.

— Приехали, — сказал он.

Мишель в сетке недовольно пошевелила хвостом.

— Да. Сервис ужасный.

Он дал кораблю пройти посадочную проверку. Герметичность. Опоры. Радиационный фон. Давление снаружи. Состав атмосферы. Микропыль. Поверхностная температура. Все строки шли одна за другой, ровные, зелёные или жёлтые, без немедленной тревоги.

Дышать снаружи было нельзя.

Этого он ждал, но всё равно поморщился.

Вода за стеклом делала эту невозможность почти личным оскорблением.

Он поднялся, отстегнул ремни и прошёл в скафандровый отсек. Мишель выбралась из сетки и пошла следом до переборки, дальше остановилась. Сидела и смотрела, пока он доставал наружный комплект из шкафа.

— Ты остаёшься внутри, — сказал он.

Мишель подняла голову.

— Даже не обсуждается.

Она медленно опустила веки, будто именно так и собиралась поступить, но хотела, чтобы решение выглядело её собственным.

Дэвид натянул внутренний слой, проверил крепления, защёлкнул грудной узел. Скафандр собирался вокруг тела постепенно: сначала ноги стали чужими, потом плечи, потом руки. Когда он надел шлем, звуки корабля сразу ушли внутрь — в дыхание, в мягкий ток вентиляции, в слабое потрескивание связи.

Он поднял руку и постучал пальцем по стеклу шлема.

С той стороны было озеро.

С этой — он.

Мишель подошла ближе и ткнулась лбом в жёсткую перчатку.

Дэвид замер.

— Я быстро, — сказал он.

Она не отошла.

Он ещё раз коснулся перчаткой её головы, потом повернулся к шлюзу.

Внутренняя створка закрылась за ним тяжело и чисто. Камера шлюза стала тесной, белой, слишком яркой. По скафандру пробежала проверка контактов. Система сбросила давление. Пол под ногами едва дрогнул.

На малом внешнем экране стояла неподвижная вода.

Разблокировка.

Наружная створка шлюза ушла в сторону.

Свет вошёл внутрь.

Дэвид сделал первый шаг.

Грунт под подошвой оказался жестче, чем выглядел из рубки. Светлая крошка скрипнула, камень под ней чуть сдвинулся. Тело пошло легче обычного, слишком легко; шаг получился длиннее, и Дэвид сразу перенёс вес назад, поймав равновесие.

Скафандр отработал движение, но сердце всё равно ударило быстрее.

Он спустился по трапу.

Пыль возле опор ещё висела тонким слоем. В двойном свете у каждого предмета было две тени: одна резкая, синеватая, другая ниже и теплее. Они расходились от ног Дэвида, цеплялись за камни, пересекались, ломались на неровностях берега.

Он остановился.

Перед ним лежало озеро.

Тридцать метров.

Может быть, меньше.

Дэвид пошёл к воде медленно. Камешки шуршали под подошвами. Где-то справа, у скалы, мерцала тонкая вертикальная полоса, но он пока не повернул туда головы. Вся поверхность перед ним была занята водой.

С каждым шагом она менялась.

Из рубки она казалась почти чёрной. Вблизи у берега появилась прозрачность. Под водой лежали светлые плоские камни, кое-где покрытые тёмным налётом. Дальше глубина уходила в сине-зелёный цвет, а у противоположного берега держался красный отблеск, будто вода прятала под собой раскалённую жилу.

Дэвид дошёл до кромки.

Остановился.

Вода чуть шевелилась у самых камней. Волна была маленькая, почти земная. Она подходила, касалась берега, отступала, оставляя тонкую мокрую линию.

Он присел.

Скафандр сделал движение неловким, тяжёлым. Колено почти упёрлось в камень. Дэвид выставил руку, чтобы не потерять равновесие, и несколько секунд смотрел на собственную перчатку над водой.

Потом опустил пальцы.

Вода легла на внешний слой перчатки.

Датчики сразу вывели на внутренний экран цифры: температура, состав, минерализация, органические следы под вопросом. Строки поползли в углу зрения. Дэвид моргнул и отключил вывод.

Он провёл пальцами по поверхности.

Вода дрогнула, разошлась кругами и снова сомкнулась.

— Здравствуй, — сказал он.

Голос остался внутри шлема.

Снаружи только вода коснулась камней.

Он поднялся не сразу. Ему хотелось снять перчатку. Это желание пришло внезапно, почти грубо, как голод. Просто расстегнуть крепление, стянуть защитный слой и опустить голую руку в воду. На секунду он даже посмотрел на запястный замок.

Красный индикатор герметичности горел ровно.

Дэвид выдохнул.

— Нет.

Он выпрямился.

И только тогда услышал водопад.

Сначала звук был почти искусственным — скафандр принимал наружные колебания, очищал, переводил, отдавал в наушники ровным приглушённым шумом. Дэвид повернулся вправо.

Вода падала из тёмной трещины в скале.

Небольшой водопад, узкий, почти спрятанный в боковой стене чаши. С высоты он, должно быть, выглядел тонкой белой нитью, но отсюда был живым: вода срывалась с уступа, рассыпалась брызгами по чёрным камням и тонким ручьём уходила в озеро.

Дэвид пошёл вдоль берега.

Камни у стока темнели от влаги. Под подошвами появился другой звук — мягче, глуше. Воздух вокруг, судя по приборам, был чуть плотнее и влажнее, но он смотрел не на показатели. Его вёл шум воды, идущий через шлем, будто через толстую стену.

У водопада свет двух звёзд распался особенно странно. Синий превращал струи в стеклянные нити. Красный ловился в брызгах и вспыхивал в них короткими тёплыми искрами. Капли били по шлему, по плечам, по груди скафандра. На стекле оставались мелкие точки, и через них скала становилась кривой, живой, близкой.

Дэвид поднял руку и стёр воду со стекла.

Перчатка прошла по наружной поверхности шлема.

И в этом движении вдруг стало слишком много лишнего: перчатка, стекло, гермослой, датчики, фильтры. Вода была рядом, падала на него, текла по нему, но до кожи не доходила ни одна капля.

Он шагнул ближе.

Ветер в чаше изменился.

Водяная завеса качнулась в сторону, и на мгновение за ней открылась вертикальная чернота.

Дэвид замер.

Через секунду вода сомкнулась.

Он сделал ещё один шаг.

— Увеличение правого сектора.

На внутреннем экране появился фрагмент скалы. Вода. Тёмный камень. Минеральные полосы. Тень.

Ветер снова толкнул струи.

Чернота возникла ещё раз.

Не трещина.

Проход.

Узкий, почти полностью скрытый водой. Камень по краям был слишком ровным для простой выемки, но слишком изъеденным временем, чтобы сразу понять, кто и когда открыл этот ход — вода, порода или кто-то другой.

Дэвид стоял неподвижно.

Бортовая связь шипела в наушниках слабым фоном. Скафандр мерно подавал воздух. Капли били по стеклу и стекали вниз.

Он смотрел в проход.

Потом сделал шаг назад.

— Не сейчас.

Слова снова остались внутри шлема.

Он ещё несколько секунд стоял перед водопадом. Потом наклонился к мокрым камням, провёл перчаткой по чёрной поверхности, поднял руку и посмотрел, как вода стекает по защитному материалу тонкими блестящими нитями.

За завесой снова мелькнула темнота.

Дэвид отвернулся.

Назад он пошёл медленнее.

У самой кромки озера остановился и оглянулся. Водопад отсюда был тонкой светлой чертой на тёмном боку скалы. Проход за ним исчез полностью. Если бы он не видел его своими глазами, решил бы, что ничего там нет.

Он посмотрел на воду.

— Я вернусь.

На этот раз он не стал добавлять ничего.

Корабль встретил его поднятым трапом, сухим металлом, привычной геометрией корпуса. После озера он выглядел слишком правильным, слишком собранным, как вещь, которой очень старались придать уверенность.

Дэвид вошёл в шлюз.

Наружная створка закрылась.

Началась обработка. По скафандру прошёл тонкий серый туман, потом короткие струи очистителя ударили по швам, подошвам, перчаткам. Анализатор загудел под полом. На стекле шлема вода смешалась с дезактивационной плёнкой и поползла вниз мутными дорожками.

— Осторожнее, — сказал он системе. — Это историческая грязь.

Система не оценила.

Внутреннее давление восстановилось. Внутренняя створка ушла в сторону.

Тёплый воздух корабля вошёл в шлем через открытый фиксатор ещё до того, как он успел снять его полностью: пластик, фильтры, металл, кошачья шерсть, слабый запах закрытого воздуха, который казался теперь почти густым.

Мишель ждала у переборки шлюзового отсека.

Сидела прямо, хвостом обвив лапы.

— Там водопад, — сказал Дэвид.

Она посмотрела на мокрые следы на его скафандре.

— И проход.

Мишель моргнула так, будто это уже было ближе к делу.

Он снял скафандр в шлюзовом отсеке, оставив его на стойке просушки. Перчатки легли в лоток с тихим влажным шлепком. Шлем он поставил отдельно, стеклом к себе. Несколько капель ещё держались на нижнем краю, потом сорвались и упали на металлический настил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.